

— Полежи ещё немного, прежде чем вставать.

У Вэнь Цзыцяня была ортостатическая гипотензия. Закрыв глаза, он просто промычал в ответ, стараясь прийти в себя.

— Опять засиделся допоздна? — Цинь Цан спросил с лёгким упрёком. — Я вернулся из Мэйсэ ночью, а в квартире никого не было.

Цзыцянь медленно открыл глаза, встряхнул головой и с усталостью в голосе ответил:

— Мне нужно было закончить проект. Сегодня его должны представить на рассмотрение совета директоров.

Цинь Цан недовольно пробормотал:

— Ты что, совсем не думаешь о своём здоровье? Сколько ты уже ночуешь в офисе?

Цзыцянь лишь усмехнулся, не отвечая, и, опираясь на локоть, попытался сесть, но, поднявшись наполовину, снова упал на кровать.

Цинь Цан, увидев, как его левая рука сжимает одеяло у бедра, понял, что он снова провёл ночь в офисе до самого утра. Зная, что сейчас Цзыцянь чувствует себя ужасно, он не стал продолжать упрекать его, а вместо этого наклонился и сказал:

— Обними меня за шею.

За все эти годы, за исключением первых лет, когда он лежал без движения, Цзыцянь старался делать всё сам, если это было в его силах, после того как начал активно лечиться как физически, так и морально.

Только если он действительно не мог справиться, он позволял другим помогать ему.

Правой рукой он обхватил шею Цинь Цана, а левой оперся на кровать и сел.

С детства он был гордым и даже немного высокомерным, в глубине души не желая, чтобы его недооценивали или смотрели на него свысока. Он знал о своём состоянии здоровья, поэтому работал ещё усерднее, не желая показывать слабость перед окружающими. Всё, что могли делать обычные люди, он тоже мог.

В глазах сотрудников он был настоящим трудоголиком, даже более требовательным боссом, чем Вэнь Юаньхан.

К сожалению, его парализованное тело не всегда справлялось. Если он слишком усердствовал, то после нескольких ночей без сна неизбежно серьёзно заболел, что оставляло у Цинь Цана психологическую травму.

Цзыцянь попытался сесть ровнее, хотя, как ему казалось, это было лишь его субъективное ощущение. Его живот и спина были слишком слабыми, и со стороны казалось, что он сидит ссутулившись, с провалившимся животом. Он немного размял плечи, слегка облегчив боль в спине, и отпустил Цинь Цана:

— Иди, займись своими делами, остальное я сделаю сам.

На нём были бежевые пижамные брюки, под которыми его тонкие ноги слегка дрожали.

Он наклонился к Цинь Цану, прислонившись головой к его плечу, и тихо простонал. Он редко показывал свою слабость, предпочитая терпеть боль до потери сознания, лишь бы не потерять достоинства. Только перед близкими он позволял себе расслабиться.

Цинь Цан, заметив, что ноги Цзыцяня слегка дрожат, как будто начинается судорога, схватил их и сжал:

— Вот, получил по заслугам.

Он пассивно согнул тонкие ноги и сказал:

— Я же говорил тебе не перенапрягаться, а ты не слушаешь. Ты типичный пример того, кто забывает боль, как только рана заживает.

Он закатал широкие штаны до колен, обнажив бледные и худые голени, затем начал сжимать слегка поджатые пальцы ног, один за другим, с особой тщательностью.

Странно, но хотя ноги Цзыцяня были лишены чувствительности, когда он видел, как их сжимают или массируют, ему становилось легче. Он понимал, что это было самовнушение. Врачи говорили, что это психологическая проблема, и он тоже считал это болезнью, причём серьёзной. Последний раз, когда врач сжал его пальцы ног, ощущение было настолько сильным, что он не мог его забыть.

У него было слишком много забот, и он часто заикливался на них, из чего было трудно выбраться. Поэтому он часто видел во сне Вэнь Цзыи, каждый поворот и удар при падении с лестницы. Его спина невыносимо болела, он отчётливо помнил боль от удара о ступеньки и отчаяние, когда Пань Цинь стащила его с кровати, словно разрывая его на части.

Он помнил боль, конечно, но также помнил и ощущения. Ему снилось, как он стоит на ногах, и во сне ощущения, когда врач сжимал его ноги, были настолько реальными, что каждый раз, просыпаясь, он трогал свои ноги, чтобы убедиться, что они всё ещё чувствуют.

Цзыцянь смотрел на руки Цинь Цана, как тот сжимал его поджатые пальцы ног, выпрямлял их, а затем они снова сжимались, когда давление ослабевало. Он медленно выдохнул, чувствуя, как странная боль в его пустой нижней части тела постепенно уходит.

Цинь Цан одной рукой провёл под его коленями и с лёгкостью поднял его ноги, затем уложил его на кровать, помогая пассивно сгибать и разгибать ноги, чтобы облегчить напряжение в мышцах после судорог, пока ноги не стали мягкими и послушно легли на его руку.

Цзыцянь выдохнул, сжимая ладонь правой руки. Кроме большого и указательного пальцев, остальные три пальца сохраняли чувствительность, но не могли двигаться, сжимаясь в кулак, который он не мог разжать. Он даже думал: если они не управляются, зачем сохранять чувствительность? Если их не массировать регулярно, они немели и становились жёсткими, что было очень неприятно. Сейчас, возможно, из-за неудачной позы во сне, вся рука онемела.

За последние полгода, с тех пор как состояние Вэнь Юаньхана ухудшилось и он попал в больницу, все дела в огромной компании легли на его плечи. Добавьте к этому намеренные провокации со стороны некоторых старейшин, и он чувствовал себя так, словно шёл по тонкому льду, испытывая огромное давление.

Он знал, что те, кто не уважал его, делали это не только из-за подстрекательств семьи Пань, но и потому, что они смотрели свысока на инвалида, человека в инвалидном кресле, который

отдавал им приказы.

Цзыцянь стиснул зубы и сдавленно выдохнул. Выйдя из этой комнаты, он должен был притвориться непробиваемым железным человеком. Он был всемогущим, просто сидел в инвалидном кресле, и всё.

Его способность терпеть боль была необычной, и после массажа Цинь Цана она стала более терпимой.

Пот залил его лицо, попав в глаза и вызвав жжение. Он повернул голову к двери, собираясь позвать А-Биня, как вдруг увидел, что в дверях стоит человек, женщина. Он даже не успел рассмотреть её лицо, но сердце его сжалось, и он мгновенно почувствовал гнев и стыд. Кто позволил ей войти? Сколько она видела?

Он ненавидел, когда посторонние видели его инвалидное тело.

— Вон! Не знаешь правил? — строго сказал он, нахмурившись.

Женщина не испугалась и не убежала. Она лишь слегка улыбнулась и сказала:

— Брат, это я.

Цзыцянь вздрогнул, быстро вытер пот, капавший в глаза, и, когда зрение прояснилось, увидел знакомое лицо, только более зрелое и красивое.

— Цзы... Сюань? — с удивлением произнёс он имя сестры, неуверенно.

Он ухватился за край кровати, пытаясь перевернуться на живот, но его нижняя часть тела запуталась, и Цинь Цан помог ему выпрямить ноги. Он опёрся на локти, приподняв верхнюю часть тела, и прищурился, всё ещё не веря.

— Это правда ты, Цзысюань?

— Да, это я, — ответила Вэнь Цзысюань. — Я приехала проведать папу... и тебя.

Цзыцянь обрадовался, приподнялся и сказал:

— Подойди, дай я на тебя посмотрю.

Цзысюань смотрела на него, всё ещё того красивого и статного старшего брата, которого она помнила с детства. Она любила смотреть на его глаза, похожие на озеро. Его лицо оставалось таким же привлекательным, но... Она видела, как он изгибался, приподнимаясь, его живот прижимался к кровати, а широкие штаны задрались, открыв худые лодыжки и голые ступни, которые касались кровати. Ступни были такими худыми, что казались жалкими, а пальцы ног поджались к подошве... В тот момент ей показалось, что это тело выглядело так пугающе, будто на голову брата было насажено уродливое тело, и она не решалась подойти ближе.

Цзыцянь, следуя её взгляду, обернулся и увидел свои голые ноги, покрытые венами, словно кожа, натянутая на кости. Он поспешно схватил одеяло и накрыл их, потеряв опору на одну руку, и упал на кровать, чувствуя себя крайне неловко. Он тут же крикнул:

— А-Бинь, отведи Цзысюань в гостевую комнату, пусть отдохнёт.

Цзысюань смущённо отвела взгляд и вышла за А-Биня.

Цзыцянь лежал на кровати, сжав губы и нахмурившись, долгое время молчал.

Цинь Цан, совершенно не замечая, что Цзыцянь злится, с шутливым тоном сказал:

— Что, обрадовался так, что потерял дар речи? О чём думаешь? Я знаю, как важна для тебя Цзысюань. Поэтому я и говорил, что не стоит торопиться, ведь вы брат и сестра, какие могут быть неразрешимые разногласия?

— Заткнись, — прервал его Цзыцянь.

Цинь Цан помог ему перевернуться на спину, и они посмотрели друг на друга. Только тогда он запоздало спросил:

— Что опять случилось? Разве ты не рад? Почему опять хмуришься?

Цзыцянь, всё ещё злясь, с гневом посмотрел на него и спросил:

— Почему ты скрыл от меня, что Цзысюань вернулась?

<http://bllate.org/book/16224/1457382>